
Не бойся шума веток за окном!
Они шумят, заведомо, о том,
Что сложно им в эпоху тишины,
Они молчаньем опустошены.

И если буря в раму постучит
Открой окно, впусти её, большую,
Ненастную, кричащую в ночи.
И расспроси — чего она бушует?

Ведь может быть, бушует от того,
Что буре места нет на этом свете,
Что прочны электрические сети
И в них блестят уловом вечера.

Я собираю звёзды по одной
Их обещать дарить - банально и безумно
Мы лучше прятать, укрывая тишиной
Их будем друг от друга. На веку нам
Не перечесть светил, но я готов,
Покуда мне отмерена свобода,
Искать в блестящем зеркале зрачков
Твоих все звёзды небосвода.

В краях, где холод круглый год резвится.
И ветер жгучий хлещет, словно плеть
Прохожие друг другу смотрят в лица,
Затем, чтобы сказать, когда белеть

Начнёт добыча хищного мороза.
Такой обычай в царствии зимы
Не вызывает лишнего вопроса.
Я верю, что когда-нибудь и мы

Научимся в сердца глядеть друг другу
В надежде, что тепло собрав в горсти,
Того, кого вот-вот проглотит выюга
Получится хоть как-нибудь спасти.

Рассказ "Снег"

По улице летал белый пух. Его было ещё мало для того, чтобы покрыть улицы целиком, но достаточно для того, чтобы у любого прохожего чесался нос. Андрей тоже почесал нос и спросил у мамы:

- Это как снег?
- Как снег, – ответила мама.
- А я увижу снег?
- Ну если хорошо попросишь Деда Мороза.

Случайно брошенная фраза родила в голове у пятилетнего мальчика целую цепочку фантазий. В них он стоял на улице и ловил холодные снежинки ртом. Потом лепил снеговика. Как это делать, он не совсем знал, но по рассказам мамы предполагал, что сделает пуговки из камней, а в качестве носа воткнёт красивую морковку. И теперь он знал: чтобы всё случилось, нужно всего лишь заявить о своём желании Деду Морозу.

- А когда мы к нему пойдём?
- А мы сейчас к нему идём, – тяжело вздохнул папа.

Жаркий и душный коридор, в котором Андрей надеялся передохнуть от уличной жары, не оставлял на это шансов. Мальчик чувствовал, как по спине под рубашкой стекал пот. Вокруг шумели другие дети, а взрослые пытались их утихомирить. К получасу сидения в очереди он уже забыл о снеговике и пуговицах из камней, ему хотелось, чтобы родители увезли его из совсем неморозного места. Женский голос из громкоговорителя приказным тоном продиктовал: «Андрей Макаров».

В кабинете Деда Мороза было ощутимо прохладнее – работал кондиционер. Андрей с порога почувствовал прохладу и вновь замечтал о снеге, но мама увела его подальше от струи холодного воздуха, беспокоясь что сын простудится.

– Та-а-ак, кто это у нас тут? Андрюша! Иди сюда, – сказал Дед Мороз и тут же усадил ребёнка на колени. Ладонь Андрея коснулась бороды, густой и напоминающей вату. Мальчик схватился за неё, но Дед Мороз мягко убрал руку. Борода была вполне настоящей. А вот шуба, о которой немало слышал Андрей, была тонкой, скорее, матерчатой. Мальчик подумал, что для такой жары, как на улице, она как раз подходит.

- Как дела у тебя, Андрюша?
- Хорошо. А я увижу снег?
- Дед Мороз глубоко вдохнул:
- Обязательно. Подожди до Нового года.
- Это когда?
- Скоро, совсем скоро. Хочешь конфетку?

Андрей не успел согласиться, как Дед Мороз вложил в детскую ручку маленький леденец в обёртке и передал мальчика отцу. Андрей подумал, что не стоит есть сладость прямо сейчас, и убрал в карман. Пока мама с папой о чём-то говорили с Дедом Морозом, мечты уносили Андрея Макарова в придуманный им зимний двор, где он всё так же приделывал пуговицы снеговику. Он и сам не заметил, как достал из кармана конфетку, развернул и положил в рот, зажав

фантик в кулаке. Леденец оказался сладким, но мятным, что, впрочем, только дополнило картинку в голове.

Утром первого января Андрей открыл глаза и увидел вокруг себя совершенно незнакомую комнату. Свет был выключен, и единственное, что освещало её – окно, за которым уже вступило в свои права утро. Андрей вскочил с постели и, не веря своему счастью, побежал к стёклам. За ними – вот это да! – лежал покрытый белым-белым, самым настоящим снегом Бескудниковский бульвар.

Андрей, конечно, названия бульвара не знал. Если бы родители не повезли его к Деду Морозу, он бы и в Москве никогда не оказался. Там, где он жил, на юге, ему не довелось увидеть настоящей зимы, а перед поездкой больше всего боялся, что и тут не увидит. Последние страхи отпали только сейчас. Вид за окном напоминал фотографии, которые давно показывала мама. Но на фотографиях снег не был таким ярким. Отражённые свежими сугробами лучи солнца заставили Андрея на минуту зажмуриться, но потом он испугался, что волшебство исчезнет. Он начал приоткрывать глаза. Снег никуда не исчез, напротив, его прибывало. Он медленно падал с неба крупными неровными хлопьями, покрывая проезжую часть, деревья, припаркованные машины. Андрей дотянулся пальцами до ручки окна и открыл его. На подоконник приземлились несколько хлопьев.

– Андрюша, куда ты? Тебе простудиться не хватало сейчас!

Мама побежала к окну и закрыла его. Но мальчик не расстроился: счастье, которое его переполняло, нельзя было сравнить ни с чем. Он схватил комок снега с подоконника и долго разглядывал, как снежинки таяли в руке. Когда на ладони осталась капля, он вытер руку о майку, лёг на кровать и начал мечтать о том, как выбежит на улицу и нырнёт в белый сугроб. Андрей и сам не заметил как снова уснул...

Стрелка подходила к четырём часам. Надо было собираться: такси через московские пробки, а тем более тридцать первого декабря довезёт до дома только за полтора часа. Но и на работе у Арсена Алексеевича дела ещё оставались.

– Наденька, тебе повезло в ночь дежурить?

– Вообще, Алёне повезло. Я сама вызвалась: у меня муж с вахты задерживается. Думали, вдвоём встретим, а позавчера позвонил и сказал – только третьего будет. Я Алёну и подменила.

– Слушай, у тебя в третьей палате Макаров лежит...

– Андрюшенька?

– Да. У меня просьба к тебе небольшая: ночью аккуратно пройди и сними ему повязки.

– Арсен Алексеевич, ему же только пятого нужно, не рано?

– Ничего страшного, у него хороший прогресс, уже можно. Я ему, Наденька, снег на Новый год обещал.

Наденька кивнула и вышла из кабинета. Хирург взглянул на часы и налил себе в бокал коньяка, который полчаса назад достал из сейфа. Глотнул и погладил густую чёрную, но мягкую, как вата, бороду.